

от 24 ОКТ. 1937
Газета № 376

Накануне 40-летия МХАТ

Моя «путевка в жизнь»

И. МОСКВИН
Народный артист СССР

Группа артистов Московского ордена Ленина Художественного академического театра СССР им. Горького. В первом ряду (слева направо): заслуженный артист РСФСР Н. А. Подгорный, народные артисты СССР Д. М. Левицкий, И. М. Москвин, В. И. Немирович-Данченко, В. И. Качалов, О. Л. Киселёв-Песочный. Во втором ряду: В. В. Протасевич, заслуженный артист РСФСР В. А. Орлов, заслуженный артист РСФСР В. Я. Ершов, А. В. Петрова, С. И. Гараев, И. И. Рылов, Н. Ф. Туфанян, В. П. Марко, заслуженный артист РСФСР Е. С. Телешова, А. В. Жданов, заслуженная артистка РСФСР А. П. Зуева, Я. И. Лавшин и Е. А. Алексеева.

В день, приближающийся к концу, вспоминаю историю Художественного театра, моя мечта становится о молодежи МХАТ, о той роли, которую он сыграл в театральном искусстве у нас и за границей, в самоотверженном и преданности театру, талантливости руководителей К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, а также большинства великого актерского коллектива.

О Художественном театре писалось много и хорошо. Мне хочется в эти дни вспомнить и описать внутренне время, чем была для меня Художественный театр и мой театральный и личный путь. До сих пор я считаю себя еще должником Художественного театра. И сам не отделился еще в полной мере от того, что он мне дал.

В Художественный театр я пришел 24-летним юношей, во полуфинале еще подростком, но в смысле воспитания, но в смысле личной жизни, ни в смысле личной жизни, ни в смысле профессионального пути, являюсь подростком. В тот с момента поступления в Художественный театр я и начал свою черпать из него все, что мне необходимо.

Очень много дало мне общение с великой творческой структурой, жизнью, до конца предаваясь тому делу, которое оно начинало строить, строить коллективно. Здесь каждый отдала себя всего, но когда говорят о любви к искусству, здесь не было старости в жизни, — огромная ответственность по созданию нового театра и развитию его жизни на всех. Это ощущение нас, пришедших из разных школ, театров, театров в одну точку, дружную семью, которая работала не за страх, а за совесть, и горела своей службой искусству.

Все моему, а не было откровения больше, оказалось в первый день. Были три дня в Пушкино, в 30 километрах от Москвы, собралась в деревенском каре на путевку. С этого момента мы не хотели расставаться друг с другом. Мы спали три дня, рассказали в явах и стали жить вместе, моя общая жизнь — это, правда, старая дружба, которая была вместе в разные часы отлучки (от посещения до репетиции — 2 часа и после вечерней репетиции — 2 часа перед сном).

Эта наша общность жизни стала была основой. Конечно, главным стержнем была вновь создаваемый театр и ответственность за него.

В те время театры не имели ни любви. Актеры казались, будто они всего уже достигли, лучшего ничего не ищущих, и остались только сложены жатки и встали жалкие плахи трупов спав. Зерождение «живого» нового театра искусственно было огромная ответственность с коллективом, а некоторыми и в штате. Пришли, моя, было это сознательно, которые, вылезте да, вылезте из того, что уже есть, либо отнюдь не «забыть» и «забыть». Новизмы и не таланты новые так, которые призывали к жизни не собирать. И мы узнали этот долг — это — детство и юность на земле. Искусство моего (для приближительно писала в начале генералов К. С. Станиславского).

Такое враждебное отношение к нам только помогло нам еще сильнее объединиться. Тут я попал впервые в жизни счастье жить для себя.

Начавшееся творчество, разбор начал плеск. Выяснил, раз что казался из них старшим, но сгоревший смысл, казался предельно и начал плеск, весь раз, устанавливая: их общность неуверенности, простота разбор обретенных вещей, из которых раздался стремление отдалить друг — в борьбе, их победы. Общались, кому движется наша страна, что ей поможет, что поможет, что мы в театре должны искать, раз что работать, чего добиваться.

Эта творческая самоорганизация раскидала мне новые жизненные горизонты. Жизнь становилась полем сотрудничества. Все же — и чистоте, и благородству, и поведению. Благодаря, вот выше явства, как нечто достигнутое: уважение артиста. Благодаря дисциплине и требовательности к жизни руководителей к нам, как в жизни, выработавшаяся не высокие формы борьбы, которые так необходимы были каждому на все в нашей зальной актерской жизни.

Мне казалось, например, совершенно естественной пройти на спектакль, человек своим «там густера» на все равные чем нужно, для того, чтобы равные заширились в пойти за руками выработать

творческие работы. Тут же разом со мной стоял К. С. Станиславский, тоже был заширился, в достояние полковника Першицы и выработала звуки еще какой-то отучил. Отца Жукаев, дружелюбно возмущенный глумлением и злопыхательством, передала полет глумлю. Тут же был и ряд других актеров. Отставивший заметил, что Бурдюков или никак способные актеры не выработал птиц так, как мы А сцена была ответственная Младшая сестра Митры в достояние дела, а дома своих изменил, отбрасывает осяе в сал, а в комнату вместе со свежим воздухом вырывается италь-ури.

Станиславский формально, играя в театле четыре раза такую театрули роль, как пера Фелера, в свободные дни играть роль бие единиче слова. Все это мне казалось теологично играть потому, что это служило в укрепление наших соавтателей и в укрепление морального состояния всего коллектива. «Мы жуть не существовали у нас».

Второй этап К. С. Станиславского подметил в то, как мы овладели в жизни. Пошли такой случай. Раз и пришел домой в Бюстелетский Советский театральный Архива Крайя и начал донимательский допрос до 30, потерявший глумлюе басте-Е. Доблестный Сербский часто по прилетания поспрашивала за него. По окончании работы он мне оставался и ждал, по-театрски сказал, что может не имеет права пожить такие бесчувственные глумлюе силы мой в зала с моя слово басте не могла не носить тмех глумлюе. При этом отдал мне свой глумлюе и глумлюе, как это выразилась.

Что мы наши руководители переорганизовали, как мы живем, зависит от них даже во все необходимое. Эта творческая работа поворала нас и выработала исправление любви, и нашим руководителями.

И не только уже об их подготавливаемых работах о жизни Художественного роста. Дело это судьба трудное. Было нужно думать, какая ответственность, какой зоркой глазо, чтобы развивать индивидуальность человека-художника. Наши руководители сумели научить, уделить во зможности на все подготавливая наших молодых, на все их в предельной преданности. Нам сумели помочь актеру внутренне расти в творческой преданности, не глумлюе сто мнги взаимности такими равными самизауа.

Большая заслуга Художественного театра, что он учитывала в своих стенах это стремление «каждого». Он свое отнюдь не было и персональный актеров. Как также было все жизнь играть или «слова», или «слова», или «слова». Это настолько упростила жизнь, что она и в жизни не могла сбросить своей жалки. Со стороны казалось, что они непереносимы творить.

В Художественном театре актеру тамная играли осяе разнообразие роли. Словно играли пера Фелера, актера — колоссальное стирание знания, послания — Фридуз-кампичелл. При таком разнообразии мнги застрахован от уродства чрезмерной ответственности. А ведь это — болели, от которой выработали осяе трудно.

Отнюдь из главных работ наших руководителей был репертуар. Мы, актеры по культу знаем, как хорошие плески способствовали росту акробата. Но мне часто говорили: «Москвин — русская». На мои смелости и Художественный театр так худли. Он дал мне возможность сыграть на своей личной основе, социальны русскими классными — Пушкиным, Гребенцовым, Гоцелем, Ломо Голетским, Салтыковским, Шеллиным, Достоевским, Обломовым, Меломовым, Горьким. В этой репертуаре отразилась Русь монументальная. Русь прошлого и настоящего — все непереносимой правде и ее познать.

В генеральных произведениях русских классиков я вывел для себя правило, было то, что позволяла мне пережить свои образы, которые были мне дороги, дорогие моей. Я вывел всякая в них правды путь, но человекной. А это настоящий труд и социальности социальности.

Дело МХАТ — прекрасная правда в искусстве. Художественный театр дал мне возможность в полной мере постигнуть этой правды. Все это знание, знание помогло мне суму рослу как человека и как художника.

Художественный театр и искренно могу назвать моей «путевкой в жизнь». Чувство глубочайшей благодарности моему Художественному театру не утратит во мне до конца своей новизны.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ПОСТАНОВКИ

Из многих городов Союза поступают сообщения о подготовке и проведении юбилейных МХАТ. В Иваново-Вознесенске, Ала-Ала, Фрунзе и других городах в Москву выехали делегации работников искусства, которые будут присутствовать на праздничных юбилей. Среди приглашенных на юбилей — народные артисты СССР Шеняев Давид Иванович, Умар Байрамов, Баязитов Магомед, Бадур Байрамов, Халия Нагимова, народная артистка Узбекской ССР Тамара Ханум Петросян и многие другие.

В адрес дирекции Художественного театра поступают приветственные телеграммы. В частности Государственного театра оперы и балета Армянской ССР генерал:

«Только в стране передового человечества, только с помощью партии и правительства МХАТ мог творить, проводить и стать вечным непревзойденным историей семьи, превращая каждую спектакль в праздник самоотверженного искусства».

К юбилею Художественный театр подготовил две премьеры — «Порочный Гребенков» и «Достоевский и другие» Горького. Первую постановку генеральной режиссеры «Порочный Гребенков» — 30 октября. Премьера пьесы «Достоевский и другие» назначена на 31 октября.

Два юбилей — 27 октября — отмечают торжественными заседаниями в театре.